

Ключевые слова: декаданс, мотив, дискурс, искусство, мировоззрение.

Maksym Nestelieiev. Ivan Franco and Decadance. The I. Franco's attitude to decadence as a literary movement and his outlook is analyzed in the article. The transformation of views on the decadence in his works and his collection „The Withered Leaves” is researched and revealed the importance of aesthetic struggle on the edge of centuries. Decadence, according to I. Franco, is the works of rich graphomaniac, who support the thesis of „art for art's sake”, and he believed, though not always consistently, that this outlook is an anti-Ukrainian and anti-human one. Despite his strong anti-decadent position, I. Franco's „The Withered Leaves” undoubtedly clearly and convincingly reconstructs the individual „sick” mind of decadence, enriching this field of imagery with didacticism and warning while chanting „lyrical drama” of lyrical hero. Without taking any decadent and decadence in literature Franco in his collection showed a possible way of life of human being on the edge of the centuries that accepts death as the only possible option.

Keywords: decadence, motive, discourse, art, outlook.

Стаття надійшла до редакції 27.10.2015 р.

УДК 821.161.1

Евгений Никольский

**«Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года»
князя И. М. Долгорукова как один из первых
внутренних травелогов в русской классической литературе**

В статье анализируется неизвестный широко литературный и историко-культурный документ «Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года», составленный князем И. М. Долгоруким (1764–1823); произведение рассматривается с точки зрения его жанрово специфичности, именно как травелог в контексте развития данного жанра в русской литературе и с позиции его социально-тематической специфичности, отмечается критический взгляд автор на некоторые общественные явления, отмечается лирические моменты: любовь к Нижегородской земле, искренняя религиозность, преклонение пред благочестием, любование природой. Рассматривается рецепция автором быта и нравов эпохи, отмечается его демократический, чуждый кастовых предрассудков подход к восприятию социальных реалий.

Ключевые слова: травелог, литература путешествий, Нижегородский текст, И. М. Долгорукий, религиозная рефлексия.

Большое место в истории национальных литератур занимает литература путешествий как одна из древних культурных традиций, как особая форма человеческого познания. Особое место в литературе

путешествий занимают дорожные дневники, путевые очерки. Истоки литературы «путешествий» во всемирной истории жанровых традиций теряются в глубинах древнейших литератур и продолжают активно существовать в литературе современной.

Литература путешествий на протяжении XIX века состояла из путешествий «чувствительных», «романтических», «живописных», «археологических», «фантастических». Затем появились и приобрели необычайную популярность «путевые романы» и «романы в письмах». На страницах газет, журналов, альманахов и других периодических изданий уверенно заявляет о себе рубрика прибывших и уехавших из города. Литературе путешествий долго пришлось доказывать свою состоятельность. Поучителен пример с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина, которые первоначально воспринимались как рядовая и личная переписка писателя с семейством Плещеевых. Фактически, именно Н. М. Карамзин явился родоначальником жанра путешествий в России. «Письма...» — полнокровное литературное произведение, живущее по законам художественного текста, а не просто литературная обработка путевого журнала.

Появляются интересные работы российских учёных о модели мира скифской культуры, о традиционном мировоззрении тюрков, затрагивающие в той или иной степени проблему пути и движения, времени и пространства. В статье А. В. Матвеева «Традиционная культура путешествия. Общие вопросы» даётся определение традиционной культуры путешествия, выявляются его связи с категорией мифологического пространства, указываются основные подходы к изучению традиционной культуры путешествия. «Мотивы различных путешествий (путь — дорога, жизненный путь, путешествие в иной мир, путешествие в свадебной, праздничной календарной обрядности) отличаются друг от друга конкретной целью и содержанием действия. Однако все они объединены одним мотивом — мотивом движения через границы и сферы (зоны, локусы) мифопоэтического пространства, который задаёт определённый стереотип магического (совокупности утилитарного и символического) поведения путешествующих людей» [4, с. 227].

Любое путешествие — это постоянная смена впечатлений, калейдоскоп фактов, новые образы, мотивы. Очень важен маршрут путешественника, от выбора которого зависит многое. Все впечатления, воспоминания, описания выстраиваются вокруг маршрута путешественника, выполняющего роль сюжета. Обязательно

должно соблюдаться жанровое требование новизны в путевых очерках: новизны информации, впечатлений, фактов, сведений. Путешественник должен обладать таким качеством как умение видеть мир не предвзято, умением удивляться, которое впоследствии разделит и читатель. Этот жанр в основе своей имеет документальную (факт перемещения в пространстве) и художественную природу (сопутствующий сему вымысел и аксиологические оценки автора).

Продолжателем традиций Н. М. Карамзина стал князь Иван Михайлович Долгорукий (1764–1823), князь, государственный и общественный деятель, поэт, мемуарист. Будущий литератор родился в Москве, происходил из известного рода, был внуком фаворита Петра Второго, князя Ивана Алексеевича (в честь которого и наречен) и его супруги, дочери фельдмаршала, Натальи Борисовны Шереметевой (будущей схимонахини Нектарии), родоначальницы мемуарного жанра в русской литературе.

В 1791–1797 годах Иван Долгорукий служил в Пензе вице-губернатором. Принимал участие в устройстве гражданской и уголовной палат, в совершенствовании системы откупов и управления казёнными экономиями. Он ввёл казённое содержание детей бедных дворян в учебных заведениях. Службу князь Иван сочетал с литературной и театральной деятельностью. В Пензе Долгорукий создал «философическую оду» под названием «Камин в Пензе», первоначально отпечатанную в частной типографии Н. Е. Струйского, стихотворные послания «К швейцару», «К судьбе», вошедшие в сборник «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого» (1802). Ранние литературные опыты (переводы) Долгорукого относятся к концу 1770-х годов; первое его оригинальное произведение – стихи «На смерть Горича» – опубликовано в 1788 году в виде приложения к «Московским ведомостям». Известность Долгорукому принесли стихотворения, написанные в 1790-х годах, во время его пребывания в Пензе в качестве вице-губернатора («К швейцару», «Камин в Пензе», «К судьбе» и др.). Сам он был скромного мнения о своем творчестве, шутливо признавался, что «пустился в парнасские области на самых тощих конях и в крайне худой повозке» [1, с. 5]. Долгорукий стремился в своих стихах запечатлеть «жизнь чувствительной души», чем и объясняется его увлечение песенным жанром. Его перу принадлежат 29 песен (выдержанных в духе сентиментализма), которые поэт объединил под названием «Песни на разные голоса», и цикл стихотворений в «народном» стиле – «Гудок Ивана Горюна».

Многие из песен Долгорукого сочинены на «голоса» популярных в конце XVIII века романсов, другие были «положены на музыку и пелись» [3, с. 199]. Авторы музыки на тексты Долгорукого, как правило, неизвестны. На слова его стихотворение «Если б люди дар имели...» написал романс его родственник С. В. Шереметьев, потомок брат фельдмаршала.

В результате скандала вокруг его любовной переписки с Е. А. Улыбышевой, Иван Михайлович был отрешён от должности в 1796 и переехал на службу в Москву. Он сочувственно встретил реформы начала царствования Александра I и принял назначение губернатором во Владимир, где служил с февраля 1802 по март 1812 года.

В связи с ужесточением правительственного курса Долгорукий уходит в отставку в чине тайного советника и поселяется в Москве, где занимается литературной и театральной деятельностью, издаёт 4 тома своих стихов, пишет ряд драматических произведений. Спектакли его домашнего театра и литературные вечера посещали М. Н. Загоскин, с семьёй которого князь подружился в Пензе, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, С. Т. Аксаков.

Долгорукий избирается почётным членом литературных обществ «Беседы любителей Российского слова», «Вольного общества любителей Российской словесности», «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Похоронен князь Иван Михайлович Долгорукий в Донском монастыре, в родовом склепе.

Иван Михайлович оставил мемуары «Капище сердца моего, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». Некоторые главы книги посвящены Пензе, Рамзаю, Бессонове, Рузаевке. Им же были составлены «Славны бубны за горами или Путешествие мое кое-куда 1810 года», «Путешествие в Киев в 1817 году» и большая мемуарная книга «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни».

В «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года» отдельную главу Долгорукий посвятил Пензенской губернии, назвав её «плодоноснейшим краем нашего Царства», но наиболее яркие страницы этого произведения посвящены Нижегородскому краю. Здесь задачей автора стало передать не только хронологию поездки, но и свои переживания по поводу увиденного, поэтому его травелог объединяет искусство интеллектуального путешествия со способностью проникать в жизнь и культуру родной страны, обнаруживая сразу ее неочевидные, но прочные связи со всем миром.

Князь-путешественник – это герой, сочиняющий свое собственное произведение, историю о своем странствии, где роль Наблюдателя сменяется на позицию автора в поиске своего читателя. Иван Михайлович и его семья проехали Московскую, Владимирскую, Нижегородскую губернии, побывали в Пензенской, увидели старинные русские города, древние памятники архитектуры и великие монастыри, проехали по трассам и местным дорогам, видели разливы на Клязьме, Оке и Волге. В дороге они встречали весну: когда выезжали из Москвы, деревья были только подернуты зеленой дымкой, на наших глазах распускались листья и цветы. Не обошлось и без приключений. На одной из сельской пристаней князь чуть было не утонул. Вот как он описал это происшествие: «Но, к счастью, борьба моя со влажной стихией продолжалась только минут пять, и я вынырнул из пропасти прежде, чем испуг мог утвердиться в чувствах и замучить своей мукой. Долго ль до греха! Шел туда, как по стезе крепкой и надежной воротился, и тот же путь мог быть проводником ко гробу. Боже великий и дивный, иже некогда избавил Израиля от потопа вод многих, благодарю Тя мысленно на месте том, и на всяком месте во всю жизнь мою возблагодарю, яко спас мя от ада преисподнейшего, и не лишил меня смертью насильственной! По естеству отрады покаяния в грехопадениях моих, сотвори, Господи, да не преумножаться они к тому, и отпусти мя прежние, за страх искушения, его же наслал на мя в злостастную сию минуту! Что сказать о радости нашего взаимного свидания на берегу? Я не берусь ее описывать» [2, с. 6].

Здесь проявилась его подлинная религиозность. Хотя в «Журнале...» мы не встретим подробных описаний святых Нижегородщины, но в целом внук преподобной Нектарии всегда проявляет глубокое христианское чувство, но выражает его скромно. Он часто благоговел перед Богом и подвижниками. Однако искажения православных традиций, глумление над ними вызывают у него резкое отвращение и порицание. Так наблюдая народный театр князь писал: «Из всех сих забав мне случалось зайти на кукольную комедию. Описывать нечего: всякий видал, что такое. Для меня нет ничего смешнее и того, кто представляет, и тех, кои смотрят. Гудочник пищит на скрипке; содержатель, выпуская кукол, ведет за них разговор, наполненный чуши. Куклы между тем щелкают лбами, а зрители хохочут, и очень счастливы. Всегда мне странно казалось, что на подобных игрищах представляют монаха и делают из него посмешище. Кукольной комедии не бывает без рясы. Я нахожу, что

это вовсе неприлично, и дивлюсь, как это допускается. Со временем так приучат народ надеть чернеца деревянного с бабой в Комарицкой, что и на живого старца будут с теми же помышлениями посматривать» [2, с. 31].

Такие печальные впечатления произвел на князя народные театр. Тут мы наблюдаем смену фокуса, сравнение и отражение различных способов мировидения, их «диалог» – всё это является важнейшим принципом освоения действительности. Роль толерантности, способности к восприятию «другого», иных ценностей и точек зрения – это составляющие пути И. М. Долгорукого, который признает существование разнообразия культур, народной и аристократической, но не одобряет пошлость и дурновкусие и отражает это в своих путевых заметках.

Само русское слово «путешествие» слишком объемно для того, чтобы обозначить то, что мы имеем в виду под «травелогом». Дело в том, что путешествие, с одной стороны, сразу наводит на мысли о поездке, которую человек совершает, а травелог сразу указывает нам на письменную фиксацию того, что в этой поездке произошло. То есть, путешествие, как это употреблялось довольно долго, обозначает одновременно и поездку, и книгу о поездке. А вот травелог обозначает исключительно книгу о поездке, и в этом отношении он уже удобнее, чем слово «путешествие». Кроме того, так называемая, «литература путешествий», как выражались в отечественной научной традиции довольно долго и продолжают выражаться и сейчас, тоже термин довольно расплывчатый. Придумали его, как нам кажется, для того, чтобы разграничить путешествие как поездку и путешествие как книгу о путешествии. Тем не менее, термин получается довольно расплывчатым, потому что объединяет сразу все, что написано о путешествиях в разное время и по разным маршрутам. Травелог в этом отношении точнее. И нам представляется, что сегодня слово *travel* уже очень хорошо знакомо русскому читателю, потому что это всеобщая реальность последних лет, а слово *logos* знакомо с давних пор и никакого отторжения не вызывает. Травелог очень удачное слово, у которого большое будущее и которое в русской традиции будет употребляться и терминологически и, возможно, шире. Травелог как жанр – не путеводитель, не страноведческая литература, не журналистика и не приключение, хотя в нем и содержатся элементы всех этих направлений. Травелог – это личное путешествие, поиск, происходящий одновременно как во внутреннем, так и внешнем пространстве. Это особый способ осмыслить, совершать путешествия,

наблюдать особые нравы. Травелог как жанр даёт писателю убежище, а он, в свою очередь, погружает в глубину повествования, создавая особые взаимоотношения автора и читателя. Мир персонажей (реальных и вымышленных) становится отражением «общего» сознания, формируя вполне конкретные портреты личностей – «своего» и «чужого».

Вот пример красочного описания того, как жил на Нижегородщине богатый грузинский аристократ, помещик в селе Лысково – «человек отважный, что называется буян, занимая должность Губернского Предводителя, по тому что он всех в околоде сильнее состоянием и отношении: он вмешивается в дела каждого, судит и рядит по произволу, разбирает крестьян и Дворянских и Коронных в обыкновенных их распрях, а Нижегородский народ до ссор охотник. Следовательно, Князю Грузинскому не без хлопот, и они всегда увенчаны удачным успехом; ибо он доказывает каждому вину его и правость коренными Русскими аргументами, т.е. кулаками; кому глаз подобьет, кому бороду выдерет. Такова юстиция Его Светлости, и он такое взял над всеми жителями Губернии преобладание, что никто не смел на него пожаловаться: все запуганы пышным именем Князя Грузинского, и одна угроза поселянина, что он пойдет к Его Светлости, гонит всякого прочь безответно. Впрочем, что же такое Князь Грузинский? – Майор отставной и Тит. Камергер; вот весь его наряд. Но богат, а пуцу всего дерзок, и все с рук сходит. Кого не купит деньгами, того силой прищемит. Селение его наполнено беглыми: они у него пристают, выдворяются, торгуют, платят ему оброк, и никто пошевелить их не смеет. Правительство местное все про это знает, но молчит, потому что Князь Грузинский, по связям своим с Двором, всегда надует такие тучи, от которых никто не спасется» [2, с. 17].

Разумеется, что травелог Долгорукого теперь имеет больше отношения к истории, чем к географии и страноведению. Но тот юмор, которым он пронизан, не подвержен ни моде, ни изменениям исторической реальности.

Итак, путешествие князя И. М. Долгорукова выступает как феномен культуры, помогая осмыслить роль человека в этом мире, его мироощущения в стремлении понять смыслы иного бытия. Путешествие рождает удивительный способ измерения времени и пространства, делая человека обогащенным особым «багажом». Путешествие ему удалось, хотя посетить много достопримечательностей не смог, так как всё-таки ехал работать в

свои имена, доставшиеся ему после смерти матери. Сентиментального путника поразила природа, которая цвела и благоухала. Город сам очень неровный, много гор, а за счёт того, что сам Нижний Новгород находится севернее Московии и там не было такой изнуряющей жары, на горах много растительности, и природа не так гибнет от такой жары. Это производило на автора сложное впечатление: «Город со всех к нему путей представляет вид не соответствующий нисколько его положению, стоя над реками Окой и Волгой, кои венчают свои волны под самой стеной города. Он разбит на высоте красивой, но дурно построен. Мало хороших зданий, мало огромных церквей, и от того картина города обманывает воображение, которое прежде, нежели во внутренность придешь, сулит большие прелести» [2, с. 47]. Далее князь писал, что «как бы посредственен не был город, вода всегда придает ему славу – быть лучшим из городов Российских. Речные устремления веселят град Божий. Покрытая судами Волга наполняет Нижний множеством рабочего народа. Торговля и промыслы оживотворяют его» [2, с. 90].

Особое внимание князь привлек женский монастырь, где игуменью была его старая знакомая по светской жизни: «В Нижнем женский монастырь прекрасно устроен; крылошанки поют приятно. Богослужение отправляется с отличным благоговением. Причет трезвый. Храм всегда чист, обряд церковный, особенный от прочих монастырей, сохраняется со всею точностью. Нет ничего лишнего, так сказать желанного, но простота величественная» [2, с. 41].

Но при всем при этом, в Нижнем Новгороде царит какая-то особенная атмосфера уюта и старины. По мнению автора, умиротворяющие пейзажи вечерней Оки и Волги с медленно проплывающими по ним баржами в обрамлении куполов положительно сказываются на «городском характере». Существуют города агрессивные, и приветливые. Нижний Долгорукий отнес ко второй категории. Горожане ему показались доброжелательными и приятными в общении людьми. Князь испытал на себе благотворный эффект от вечерней нижегородской медитации с бутылочкой вина, после которой (медитации) мысли о раннем ужине и здоровом сне кажутся самыми естественными. Вот как это описано в травелогe: «Ко мне заехал Московский знакомый и стихотворец, забавный в своем роде, Василий Львович Пушкин. Я его поймал нечаянно на улице, заманил к себе, и он мне прочел несколько своих посланий и эпиграмм. Я люблю его слушать: Он свое читает особенным манером. Стихи его смешны, плавны, замысловаты; картины в них есть самые

натуральные, хотя он природы ищет не всегда в очаровательных чертогах наших Граций, а часто описывает ее в трактирах, на площадных гуляньях и даже в постелях рублевых Венер. Много истины в его описаниях, перо шутливое, слог сообразный предметам. Я с ним часа два провел приятнейшим образом» [2, с. 44]. В целом Нижний Новгород не прекращал удивлять князя Ивана своей уникальностью и простотой, потенциально готовой очаровывать*.

А вот Арзамас нашему автору кажется чуть более привлекательным, чем Нижний: «Город прекрасный между Российскими Уездными городами: вид его от Нижнего обольстителен. Церквей и каменных строений не очень много, но все они, в приближении к городу, кажутся, как будто собранными в одну точку и представляют картину величественную. Не доезжая 5 верст, уже любо на него смотреть. Он довольно обширен. Улицы правильные, дома деревянные, украшены пригожими фасадами, и колонны с наружной стороны домов здесь в большой моде. Жителей много, и живут, сказывают, по зимам довольно весело» [2, с. 47].

И подобно рода описания наполняются травелог князя, который восхищался природой, оценивал своеобразие положения, архитектуры Нижнего Новгорода и Арзамаса, критиковал нравы и своих собратьев по сословию (князя Грузинского) и крестьян, дал ряд ярких характеристик своих современников, отобразил русскую повседневность Александровской поры. Объем статьи, к нашему большому сожалению, не позволяет раскрыть всех особенностей долгоруковского журнала как яркого и очень насыщенного «чувствами добрыми» документа эпохи.

Сквозным сюжетом «Журнала» является история человека, познавшего свои житейские заблуждения, открывшего правду жизни, новые идеалы и «правила», ради которых стоило жить и работать, история идейного и морального обновления путешественника, укрепления его веры и совершенствования религиозных чувств. Путешествие из Москвы в Нижний способствовало накоплению опыта и закалке характера. Умный и тонкий наблюдатель, Иван Михайлович наделен чувствительным сердцем, его деятельной натуре чужда созерцательность и равнодушие к людям, он умеет не только слушать, но всегда стремится прийти на помощь тому, кто в ней нуждается.

После А. Радищева и Н. Карамзина жанр путешествия в русской литературе прочно связался с темой России. Именно образ дороги позволял организовать в единое художественное пространство бесконечные российские просторы и пестроту русских нравов.

Примечание

*Касательно Нижнего Новгорода, отметим, что он стал одним из ярких «героев» долгоруковского травелога, чувства которые испытал князь в начале XIX столетия повторились и в начале третьего тысячелетия, когда автор этой статьи впервые посетил Нижний Новгород на конференции «Нижегородский текст». Локус места, его дух, эмоциональный фон остаются актуальными несмотря на ход истории. Поэтому в финале приведем фрагмент из собственных записей 2009 года: «Обхожу кремль – красота, если было бы с кем, я бы здесь встретил закат солнца, очень высокая панорама на город, реки, храмы и дороги, при этом обзору не мешают парапеты (их просто нет, не смотря на то, что склон достаточно резкий). Спускаюсь вниз к колоколу, минуя какой-то ров, уходящий в стену (насколько я понимаю, это – либо черный вход-выход либо вход-выход для прислуги), тоже очень воодушевляет этот вид – вид на порт и дома на побережье. Выхожу на берег – ветер обдувает меня, очень свежо и приятно, солнце в дымке, в такие моменты понимаешь, как прекрасно жить (угу – где-нибудь на океанском побережье). Состояние эйфории и непередаваемой легкости посещает меня. Мне хорошо и спокойно, бриз уносит все мысли, которые меня тяготят последнее время, а солнце греет и предлагает подумать о хорошем. Чайки, везде чайки, дух свободы, дух полета». Нижний Новгород – это град, посещение которого наполняло русских людей чувствами уюта, свободы, душевного подъема.

Список используемых источников

1. Долгорукий И. М., князь. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого, М., 1802.
2. Долгорукий И. М., князь. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870.
3. Дмитриев М. А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения, СПб., 1863.
4. Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия. Общие вопросы / А. В. Матвеев // Народная культура Сибири : Материалы X научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2001. – С. 225–230.

References

1. Dolgorukii I.M., kniaz. *Bytie serdtca moego, ili Stikhotvoreniiia kniazia Ivana Mikhailovicha Dolgorukogo* [It is my heart, or a poem of Prince Ivan Mikhailovich Dolgoruky]. Moscow, 1802. (in Russian).
2. Dolgorukii Y.M., kniaz. *Zhurnal puteshestviia iz Moskvyy v Nizhnii 1813 goda* [Travel Journal from Moscow to Nizhny in 1813]. Moscow, 1870. (in Russian).
3. Dmitriev M. A. *Kniaz Ivan Mikhailovich Dolgorukoi i ego sochineniia* [Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukoi and his writings]. SPb., 1863. (in Russian).
4. Matveev A.V. *Tradycionnaia kultura puteshestviia. Obshchie voprosy* [Traditional culture of traveling. General Issues]. In: *Narodnaia kultura Sibiri:*

Materialy 10 nauchno-prakticheskogo seminaru Sibirskogo regionalnogo vuzovskogo tcentra po folkloru, [Folk culture of Siberia: Materials of X scientific workshop of the Siberian regional university center of folklore]. Omsk, 2001, pp. 225–230. (in Russian).

Євген Нікольський. «Журнал подорожі з Москви до Нижнього 1813 року» князя І. М. Долгорукова як один із перших внутрішніх травелогов у російській класичній літературі. У статті аналізується широко невідомий літературний та історико-культурний документ «Журнал подорожі з Москви до Нижнього 1813 року», складений князем В. М. Долгоруким (1764-1823). Твір розглядається з точки зору його жанрової специфіки, саме як травелог у контексті розвитку цього жанру в російській літературі, і з позиції його соціально-тематичної специфіки. Зазначається критичний погляд автор на деякі суспільні явища, простежуються ліричні моменти: любов до Нижегородської землі, щира релігійність, схиляння перед благочестям, милування природою. Розглядається рецепція автором побуту і вдач епохи, зазначається його демократичний, чужий кастових забобонів підхід до сприйняття соціальних реалій. У фіналі науковий виклад матеріалу поєднується з есеїстичним, робиться висновок про те, які почуття пробуджує відвідування Нижнього Новгорода в ХІХ і ХХІ століттях. У науковий обіг вводиться невідомий раніше матеріал.

Ключові слова: травелог, література подорожей, Нижегородський текст, В. М. Долгорукий, релігійна рефлексія

Eugene Nikolsky. "Travel Journal from Moscow To Nizhny 1813" by Prince I. M. Dolgorukov as One of the First Inside Travelogues in Russian Classical Literatur. "Journal of a journey from Moscow to Nizhny 1813" by Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukov as a document of the Alexander era. The article analyzes the widely unknown literary, historical and cultural document "Journal of a journey from Moscow to Nizhny 1813", composed by Prince I. M. Dolgoruky (1764-1823); the work is considered from the standpoint of its genre specific, it is like a travelogue in the context of the development of this genre in Russian literature and its socio-thematic specificity, notes critical view of the author on some social phenomenon, celebrated lyrical moments: the love of the Nizhniy Novgorod earth, sincere religiosity, to bow before the piety, admiration of nature. Discusses the reception of the author of the life and mores of the era, noting that it is democratic, alien caste prejudice approach to the perception of social realities. In the final scientific presentation of the material coexist with asiaticism, concludes, what feelings awakens the visit to Nizhny Novgorod in the nineteenth and twenty-first centuries. In the scientific revolution introduced early unknown material

Keywords: travelogue, travel literature, Nizhegorodskaya text, I. M. Dolgoruky, religious reflection

Стаття надійшла до редакції 15.10.2015 р.